

Леонид Андреев. В поезде

Источник: Леонид Андреев. Повести и рассказы в двух томах. М: Худ. литература, 1971.

Электронная версия: В. Есаулов, март 2005.

Нам не спалось. Мы вошли в вагон с желанием отдохнуть. В его призрачных потемках под говор колес, под ритмическое колыхание мягких диванов, когда дремотная мысль точно плывет по волнистому безбрежью, – а случилось так, что мы о чем-то заговорили, о каких-то совсем далеких людях и пещах, и проговорили полночи. Не знаю отчего, но все люди в дороге становятся философами: оторванные от обычного, они точно просыпаются и с удивлением смотрят назад и вперед, и вспоминают очень далекое, и грезят о таком же далеком грядущем. Если бы человеческая мысль могла стать образом, то каждый стремительно бегущий поезд окутался бы роем теней, и не слышно бы стало его грохота за тысячами их протяжных и глухих голосов. Для людей в вагоне нет настоящего, проклятого настоящего, что в тисках держит мысль и в движении руки – быть может, оттого люди в вагоне и становятся философами.

И мы говорили – о людях, говорили мы и о жизни, о ее красоте и богатстве, о глубинах ее бездонных, над которыми беззаботно и слепо плавают люди-щепки. Одну поверхность ее знают они, и легки, слишком легки, никогда не опускаются на дно. Случается, накроет их земная волна и на миг откроет им жизнь свои загадочные недра и ослепит и напугает – а потом опять поверхность, опять голубой шатер, как для уюта называют они небо, опять сонное слепое колыхание, и так до конца – пока не стгниют.

Так долго говорили мы – в призрачных сумерках вагона под тихий звон колес, не видя друг друга, но чувствуя, как растет близость и нежная приязнь. Оторванные от обычного, люди в вагоне становятся чутки вечно одиноким сердцем своим и жадно пьют тихую мимолетную иску – как в засуху цветы пьют дождевую воду.

– Надо спать, – сказал он.

– Пора бы, – ответил я.

Улыбаясь, мы закрыли глаза, а через полчаса, выйдя ни купе, стояли в коридорчике и глядели в окно. Вероятно, где-нибудь за облаками стояла луна, и ночь была светла, и снежная муть земли неприметно сливалась с лунной мутью зимнего ночного неба. Под толстым слоем снега сглаживались бугры и неровности, но мы часто проезжали по этой дороге и все, что проходило мимо, казалось знакомым и виденным.

– А ведь это неправда, – сказал я. – Мы ничего не видим и не знаем.

Он понял меня и, не отрываясь от окна и только ближе прижавшись своей головой к моей, ответил:

– А кажется знакомым. Глаза обманывают.

– Глаза обманывают. Когда я еду по этой дороге, и постоянно смотрю в окно, и взгляд мой охватывает все, что до горизонта. И мне кажется, много, а это – только до горизонта. Когда я проеду несколько раз, в памяти моей останутся кое-какие дома и станции, и некоторые лица, и лес, и даже отдельные деревья. И мне кажется, что это все, – а это только некоторые дома, некоторые лица и отдельные деревья. Я знаю здесь одну березу. Она стоит у опушки леса, отдельно от других, и имеет такой вид, как будто она выбежала из леса и жадно смотрит и поле. Но если ее срубят, я не найду места, где она жила, и, вероятно, даже не вспомню о ней.

– Я знаю эту березу. Она как будто кричит.

– Да. А ты помнишь, где стоит она?

– Где-то здесь. Не знаю. Не помню. И давно уже и не видел ее.

– Кажется, ее срубили.

Прошел мимо русский зимний лес и дохнул на нас холодом, ночью и одиночеством. И снова снежная муть и такое же мутное небо. И оттого что мы часто ездили по этой дороге, самое небо казалось знакомым и давно известным, и не верилось, что это новое небо, которого мы никогда не видали. Мелькнул зеленый огонь, какие-то крыши, покрытые снегом, и поезд остановился.

– Станция Белево, – сказал кондуктор.

Так как поезд всегда стоит здесь пять минут, то мы хорошо знали эту станцию, но почему-то ничего не сказали об этом.